

Маршалъ Сультъ.

слѣдовало двигаться въ случаѣ отступленія, ни конечнаго пункта, къ коему довелось намъ отступать“.

Очень распространено мнѣніе, что „скиѣская тактика“ заманиванія французской арміи въ глубь Россіи была рѣшена съ самаго начала, по крайней мѣрѣ, съ того момента, когда мы отказались отъ вторженія въ Польшу. Принцъ Евгеній, въ седьмомъ томѣ своихъ записокъ, говоритъ: „Les Russes fuient toujours sans vouloir combattre. Cette retraite semblait le résultat d'un plan prémédité“ (Русскіе постоянно бѣжали, не желая сражаться. Это отступление, казалось, было результатомъ плана, предрѣшеннаго заранее), т.-е. подтверждаетъ такое мнѣніе: мало этого, цитируя отдѣльныя фразы Императора Александра и Барклая, указываетъ на то, что планъ таковой былъ составленъ задолго по войны. Между тѣмъ не было сколько-нибудь удобной позиціи, на пространствѣ отъ Вильны до Москвы, гдѣ бы наша армія не готовилась принять бой. Самъ главнокомандующій ея, Барклай, неоднократно заявлялъ о своей готовности и рѣшимости дать сраженіе Наполеону, о чемъ заявлялъ не только публично, что могло бы еще быть объяснено, какъ средство поднять упавшее настроеніе войскъ, но и въ частныхъ своихъ письмахъ дѣлового характера говорилъ о томъ же. Императоръ же Александръ даже послѣ того, какъ оборонительная тактика блестяще оправдалась полнымъ разложеніемъ французской арміи, все еще находилъ возможность пенять Барклаю, что онъ не принялъ сраженія подъ Смоленскомъ, т.-е. не отступилъ отъ оборонительной тактики. Очевидно, что и у того и у другого или не было полной искренности, когда они грозили Наполеону заманить его чуть не въ Сибирь, или не хватало духа привести подобный планъ въ исполненіе. Какъ бы то ни было, это были одни слова, не имѣвшія никакого вліянія на дѣйствія нашей арміи. По справедливому замѣчанію А. П. Ермолова, средство отступленія, единственное въ положеніи нашемъ, слишкомъ хорошо истолковано было превосходствомъ силъ непріятельскихъ. Но какъ и куда отступать, это оставалось совершенной загадкой для руководителей русской арміи.

результатъ о крѣпости „надо было разспрашивать, гдѣ она; линіи оной даже не были означены. Все время, замѣчаетъ Ермоловъ, повидимому, было употреблено, дабы дать правдоподобіе расходамъ похищенныхъ суммъ“. Разумѣется, что крѣпость Динабургъ никакой роли въ кампаніи не сыграла и была оставлена безъ защиты. Вотъ каковы были инженеры, но хуже еще оказалось интенданство. При отступленіи нашей арміи пришлось сжечь или бросить непріятелю запасныя магазины. Это послужило къ колоссальнымъ злоупотребленіямъ: горѣли магазины, въ которыхъ, по всѣмъ даннымъ, не могло быть ни одной четверти овса и ни одного пуда сѣна.

Послѣ того какъ рушились всѣ надежды на поддержку поляковъ, съ одной стороны, а съ другой, стало извѣстно о союзѣ Наполеона съ Австріей и Пруссіей, въ главномъ штабѣ нашей арміи царствовалъ полный хаосъ. Тотъ же историкъ Богдановичъ говоритъ: „Въ то время, когда Наполеонъ готовился вторгнуться въ Россію, никто у насъ не могъ въ точности опредѣлить — ни образа дѣйствій нашихъ армій, ни направленія, по которому

Маршалъ Груши.